

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-22; 811.111

Антонова Марина Борисовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20
mbantonova@hse.ru

Когнитивный аспект формирования оценочного значения английских прилагательных, обозначающих моральные качества

Для цитирования: Антонова М.Б. Когнитивный аспект формирования оценочного значения английских прилагательных, обозначающих моральные качества. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 367–380.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.303>

В статье анализируются концептуальные основания семантики английских адъективных имен, обозначающих моральные качества человека. Семантика лексической единицы рассматривается как двухуровневый феномен, включающий собственно семантический (внешний) и концептуальный (глубинный) уровни. Моделирование концептуального основания проводится с учетом данных об этимологии изучаемых единиц. На конкретных примерах показано, что семантика адъективов рождается из архетипических представлений о живом и мертвом, о пространстве, о перемещении в пространстве, о «перводействиях» и др. В итоге проведенного исследования установлено, что концептуальные основания семантики данных адъективов образуют концептуальные оппозиции жизнь/смерть, движение/покой, свой/чужой, любить/не любить и др. Они обладают разной степенью активности при формировании семантики адъективов, наиболее активной является концептуальная оппозиция свой/чужой, определившая семантику 25 % единиц. Первый элемент оппозиции обычно маркирован положительно и соответственно порождает семантику положительной оценки у языковых единиц, а второй, маркированный отрицательно, обуславливает семантику отрицательной оценки. Однако при формировании семантики адъективов концепты оппозиций демонстрируют амбивалентность модуса, реализация положительного или отрицательного модуса зависит от ситуационного фрейма, который «накладывается» на концептуальное основание. Благодаря этому свойству на основе одного и того же концепта могут формироваться оценочно полярные значения как в семантике разных адъективов, так и в пределах одного, полисемантического, адъектива. Для английских

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

адъективов, именующих моральные качества, развитие антонимии и энантиосемии обусловлено системным действием определенных концептуальных структур при интерпретации этих абстрактных характеристик человека.

Ключевые слова: концептуальная оппозиция, концептуальное основание, фрейм, оценочное значение, адъективная категория.

Введение

Понятия, идеи, концепты, возникающие в сознании человека, не могут в мыслительной форме передаваться собеседнику, и «язык... перебрасывает мост через эту пропасть, превращая идеи в материал, обладающий способностью переходить от одной нервной системы к другой» [Чейф 1975: 28]. Возможность подобного перехода связана со способами кодирования информации о мире посредством языковых знаков: семантика языковых единиц должна основываться на концептуализации знаний о мире, принятой в данном языковом сообществе. Являясь антропоцентричной по своей сути, концептуальная система человека складывается в непосредственной зависимости от его физического и культурного опыта, что и обуславливает разнообразие принципов концептуализации и категоризации в языковых сообществах.

Создание/конструирование значения и оформление его в языковой форме таким образом, чтобы оно было понято носителями данного языка, возможно, благодаря тому, что единицы языка — синтаксические, лексические, морфологические и даже фонологические — создаются на определенных концептуальных основаниях, поэтому знание языка является знанием концептуальных структур, лежащих в основе семантики различных языковых сущностей (см. идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа: [Lakoff 1987]).

Определение концептуального основания языковой категории является одной из наиболее актуальных и в то же время наименее изученных проблем в современных исследованиях в области когнитивной лингвистики. В качестве примера можно привести лишь небольшое число работ, в частности, в этом аспекте рассматривались категории предметных имен [Бондарчук 2011], фразеологизмов [Зыкова 2014] и категория времени [Гулимова 2015] в английском языке. В настоящей статье рассматривается концептуальное основание лексической категории английских прилагательных «Моральные качества человека», представляющей особый интерес для изучения, поскольку она включает лексические единицы, которые, во-первых, обозначают абстрактные качества и, во-вторых, передают оценку этих качеств.

Такие качества человека, как щедрый, жадный, добрый, злой, жестокий, высокомерный и т.д., относятся к области абстрактных понятий, т.е. не поддаются ни тактильному, ни зрительному, ни другим способам восприятия посредством органов чувств. Как известно, человек осмысляет абстракции в понятных и хорошо известных терминах элементарно-чувственного восприятия, при помощи метафор, которые помогают «сознанию через конкретное освоить нечто трудное для постижения, неявное, ненаглядное, отвлеченное, сложное для понимания» [Никитин 1996: 253]. И здесь главную роль играют «наш чувственный опыт и способы использования механизмов воображения» [Лакофф 2004: 9–10]. Определение концептуальных оснований семантики английских прилагательных, именующих мо-

ральные качества, позволит установить когнитивные модели, благодаря которым эти качества осмысляются в английской лингвокультуре. Эти когнитивные модели не даны человеку в непосредственном ощущении, их знание является интуитивным и обычно трактуется как «чувство языка», но именно они позволяют носителю языка порождать новые прилагательные, расширять семантическую структуру уже имеющихся в языке единиц и распределять прилагательные по семантическим сферам.

Лексическая категория английских прилагательных «Моральные качества человека» содержит единицы, объединенные «по сходству оценочной функции, заложенной в их семантике» и используемые для оценки явлений в рамках одной тематической области, в частности оценивая «положительно или отрицательно... характер или поступки человека: *хороший/плохой, добрый/жадный...* и т. д.» [Болдырев 2014: 183].

Для нашего исследования отбор прилагательных, обозначающих моральные качества человека, проводился на основе идеографического словаря *The Original Roget's Thesaurus of English words and phrases* (1987), согласно которому к данным прилагательным, в частности, относятся единицы следующих рубрик: *Dueness, Ethics, Friendship, Justice, Kindness, Love, Modesty, Sociability, Arrogance, Cunning, Enmity, Injustice, Jealousy, Hatred, Pride, Selfishness* и др. Корпус исследуемых прилагательных лексической категории «Моральные качества» составляет 426 единиц, причем количество единиц, передающих отрицательную оценку, значительно превышает количество единиц положительной семантики: 267 и 159 прилагательных соответственно. С точки зрения семантико-деривационного анализа категорию составляют как адъективы, включающие одну основу и поэтому имеющие одно смысловое ядро (примарные, производные словообразовательно или семантически — 309 прил.), так и образованные путем сложения двух основ и поэтому имеющие два смысловых ядра (композицы — 117 прил.). Изучение таких структурно разноплановых прилагательных способствует большей объективности и достоверности выводов относительно концептуального основания данной категории английских прилагательных.

Методика анализа

Согласно когнитивному подходу значение слова непосредственно зависит от «своего понятийного основания» [Филлмор 1988: 60], и семантика лексической единицы рассматривается как двухуровневый феномен, включающий собственно семантический (внешний) и концептуальный (глубинный) уровни [Bierwisch 1983; Bierwisch, Lang 1987; Беляевская 1992; 2003; Кубрякова, 1997: 92; Болдырев 2014: 44–51]. Учитывая тот факт, что прилагательное выделилось из древнего слова-синкрета и на синкретическом этапе мышления объекты и их признаки осознавались нераздельно [Потебня 1968: 60–69; Гамкрелидзе 1984: 279; Кацнельсон 2001: 413; Никитин 2003: 35; Кубрякова 2008: 39; и др.], а также то, что когнитивная модель слова формируется в номинативном акте [Беляевская 2011: 64], мы полагаем, что отправной точкой моделирования концептуального основания адъективной категории должно стать изучение данных об этимологии прилагательных. Этимология слова позволяет выявить признак, положенный в основу номинации. Отметим,

что целесообразность учета древних семантических состояний слова признается не только при рассмотрении концептуальных оснований семантики лексических единиц, но и при конструировании концептов в рамках концептологии В. И. Карасика, И. А. Стернина [Карасик, Стернин 2005]. В словарях происхождение слов может прослеживаться до разных исторических срезов развития языка, т. е. возникновение некоторых слов возможно проследить вплоть до индоевропейских основ, в то время как у других пределом этимологической реконструкции может являться протогерманский корень, греческий или латинский этимон. В корпус изучаемых единиц включались только те адъективы, происхождение которых прослеживается вплоть до индоевропейских или протогерманских основ. Прилагательные с неустановленной этимологией или имеющие спорные варианты возникновения не рассматривались.

В итоге систематизации этимологических сведений оказалось, что противопоставленные качества милосердный/жестокий, вежливый/грубый, щедрый/жадный, скромный/высокомерный и т. д. осмысляются посредством архетипических антиномий, таких как свет/тьма, жизнь/смерть, движение/покой, свой/чужой и др., которые составляют глубинный, или концептуальный, уровень семантики адъективов. Как отмечают культурологи, человеческому мышлению свойственно описывать мир бинарными оппозициями, определяющими «пространственные, временные, социальные и т. п. его характеристики» [Подосинов 1999: 451]. Эти антиномии присущи культурам разных народов мира и находят свое отражение в том числе и в естественных языках [Иванов, Топоров 1965; Мелетинский 1976: 231].

Проиллюстрируем ход выявления признаков, положенных в основу адъективных номинаций, и концептов, формирующих концептуальное основание изучаемой лексической категории английских прилагательных. Например, согласно этимологическим данным, прилагательное *convivial* ‘общительный’ происходит от лат. *convivialis* ‘относящийся к застолью’, образованному от существительного *convivium* ‘пир’, которое является дериватом от глагола *convivere* ‘собираться вместе’, от *vivere* ‘жить’, от праиндоевропейской (далее — праинд.-евр.) основы *gweie-1 ‘жить’ [OED]; прилагательное *murderous* ‘жестокий, кровожадный’ образовано от существительного *murder* ‘убийство, смертный грех’, восходящего к протогерманскому **murthra-*, от праинд.-евр. **mrtro-*, от **mer-* ‘умирать’ [OED]. В данных случаях поведение человека интерпретируется через представление о жизни и смерти, т. е. в концептуальном основании этих адъективов лежит концептуальная оппозиция жизнь/смерть. Эта концептуальная оппозиция формирует семантику 10 % исследуемых прилагательных (*benign, crafty, genial, kind, mendacious, proud, unkind, uncongenial, unmannerly* и др.).

Адъектив *earnest* ‘серьезный, искренний’ восходит к древнеанглийскому прилагательному *eornoste*, образованному от существительного *eornost* ‘серьезность’, восходящего к протогерманскому **er-n-os-ti-*, от праинд.-евр. *er-1 ‘двигаться’; прилагательного *sensitive* ‘чуткий, щепетильный’ происходит от старофранцузского *sensitif* и латинского *sensitivus*, от латинского причастия прошедшего времени *sensus*, от глагола *sentire* ‘чувствовать’, от праинд.-евр. **sent-* ‘идти’ [OED]. Антонимичный смысл складывается на основе представления о неподвижном состоянии объекта оценки — *insensitive*. Характеристики человека в данных случаях интерпретируются через представление о перемещении в пространстве, т. е. семантика названных

адъективов формируется на основе концептуальной оппозиции движение/покой. В этимологии 21 % прилагательных, именующих моральные качества, прослеживаются идеи о перемещении или статичном положении объекта в пространстве (*approachable, devious, obdurate, righteous, possessive, sneaky, vain* и др.).

По результатам нашего исследования концептуальное основание лексической категории прилагательных «Моральные качества человека» образуют шесть высокопродуктивных концептуальных оппозиций, определяющих семантику значительного числа прилагательных (от 10 до 100 слов и более), а именно: жизнь/смерть, воздействие на объект/отсутствию воздействия на объект, наполненный контейнер/пустой контейнер, любить/не любить. Наиболее активными являются концептуальные оппозиции свой/чужой (25 % прил.) и движение/покой (21 % прил.). Кроме того, в формировании семантики адъективов, обозначающих моральные качества, участвуют малопродуктивные концептуальные оппозиции, в частности большой/маленький, ровный/неровный, на основе которых возникло менее десяти единиц.

Влияние модусной амбивалентности концептов на оценочное значение адъективов

Однако далеко не всегда происходит столь предсказуемое формирование оценочного значения адъектива на основе той или иной концептуальной оппозиции. Антиномии обладают общим свойством приобретать обратный, инверсивный вид [Иванов 1992: 43], и, как показало наше исследование, это свойство проявляется при формировании семантики адъективов, т. е. модус концепта может измениться на противоположный, например: смерть/жизнь, покой/движение. Существуют определенные причины, влияющие на то, какой модус концепта реализуется при формировании семантики слова. С точки зрения когнитивной семантики «значения слов соотносимы с определенными когнитивными контекстами... блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [Болдырев 2014: 108]. Эти когнитивные контексты, или фреймы, передающие «знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Там же: 112], получили название *ситуационных*. В зависимости от того, какой фрагмент действительности, или ситуационный фрейм, «накладывается» на данное концептуальное основание, возникают коннотации лексико-семантических вариантов слова [Беляевская 2005].

Как оказалось, эта же закономерность действует при формировании оценочного значения английских прилагательных, именующих моральные качества человека. Например, амбивалентность модуса демонстрируют концепты ДВИЖЕНИЕ и ПОКОЙ. Перемещение маркируется отрицательно, в частности, в том случае, если совершается по направлению к субъекту оценки и является выражением агрессивности и враждебных намерений: *aggressive*¹ ‘агрессивный’ восходит к праинд.-евр. **ghredh-* ‘идти’ [OED; Vaan 2008: 269]. Соответственно, положительную оценку приобретает представление о статичном положении: *unaggressive*.

Тот, кто способен понимать чувства, эмоции собеседника, словно движется по направлению к собеседнику. Душевная восприимчивость может привести к разви-

¹ Здесь и далее в целях краткости изложения промежуточные звенья этимологической цепочки опускаются.

тию как положительных качеств, например деликатности и чуткости, так и отрицательных качеств, например обидчивости, мнительности, что отражается в семантике многозначного прилагательного *sensitive* ‘чуткий, щепетильный’, ‘обидчивый’, концептуальной основой которого является концепт ДВИЖЕНИЕ (этимологию прилагательного см. выше).

Представление о неподвижном состоянии объекта оценки не обязательно подразумевает стагнацию, т.е. отрицательное качество; с устойчивой и поэтому надежной опорой ассоциируется непоколебимый в своих убеждениях честный и искренний человек: *truthful* ‘правдивый’ и *trusty* ‘надежный’ восходят к праинд.-евр. **deru-/dreu-* ‘быть прочным, устойчивым’. Напротив, подвижность свойственна неустойчивой, ненадежной опоре, с которой ассоциируется нечестный человек — *untruthful* ‘лживый’ или безвольный, «бесхребетный» человек, без «внутреннего стержня», которого легко переубедить, склонить на свою сторону — *weak* ‘нерешительный, морально неустойчивый’ восходит к праинд.-евр. **weik-4* ‘гнутья, сгибаться’ [Etymonline].

Высокомерный человек может восприниматься как находящийся на недосягаемом расстоянии — впереди или выше, и чтобы такой человек снизошел до кого-либо, его необходимо об этом просить. Высокомерие как любое моральное качество проявляется во взаимоотношениях людей, в ситуации коммуникации, в которой участвуют, с одной стороны, надменный человек, с другой — остальные, им презираемые. Если ситуационный фрейм фокусируется на движении второго участника, то складывается отрицательная оценка: *arrogant* ‘высокомерный’ восходит к праинд.-евр. **h₃rog-o-* ‘протягивающий’; *pretentious* ‘надменный’ восходит к праинд.-евр. **ten-* ‘вытягивать, протягивать’. Подразумевается, что речь идет о жесте просящего, простирающего руки в мольбе к кому-либо — «stretching (of the arms when begging)» [OED; Vaan 2008: 526].

С восходящим движением ассоциируются искренность и доброжелательное, с открытой душой, отношение к другим людям: *open* ‘искренний’ образовано путем семантической деривации, первичным значением слова является ‘открытый (о воротах и т.д.)’, адъектив восходит к праинд.-евр. **upo* ‘из-под, вверх’; *liberal* ‘великодушный’ восходит к праинд.-евр. **leudh-* ‘подниматься, расти’ [OED; Watkins 2000].

Однако восходящее движение может связываться с отрицательной оценкой, если подразумевается нежелательный, чрезмерный рост и увеличении размеров, в качестве которых трактуется раздутое, непомерное самомнение: *uppity* (разг.) ‘самонадеянный, надменный’ восходит к праинд.-евр. **upo* ‘из-под, вверх’ [OED; Pokorny 1959: 1106–1107]; *haughty* ‘высокомерный, заносчивый’ восходит к праинд.-евр. **al-2* ‘расти’ [Pokorny 1959: 26–27; Watkins 2000]; *boastful* ‘хвастливый’ восходит к праинд.-евр. **beu-/bheu-* ‘расти, увеличиваться’ [OED].

На основе концепта БОЛЬШОЙ, входящего в архетипическую оппозицию большой/маленький, формируется семантика адъективов как положительной, так и отрицательной оценки. К древней основе **meg-* ‘большой’ восходят прилагательные *magnanimous* ‘великодушный’ и *masterful* ‘властный, надменный’ [OED; Vaan 2008: 358, Watkins 2000].

Семантика английских прилагательных, обозначающих моральные качества человека, также определяется концептуальной оппозицией свой/чужой. Человек рассматривается как «свой», т.е. оцениваемый положительно, в первую очередь по

признаку принадлежности к тому же коллективу, что и субъект оценки. Например, *civil* 'вежливый' восходит к праинд.-евр. **kei-* 'родной дом' [OED; Vaan 2008: 116]. Антонимичное значение складывается на основе концепта ЧУЖОЙ: *uncivil*.

Моральные качества могут трактоваться посредством конверсных ролей гость — хозяин, каждый из участников этой ситуации выступает то в роли оказывающего гостеприимство, то в роли принимаемого в качестве гостя; оба участника ситуации связаны взаимными обязательствами гостеприимства, являются «своими»: *hospitable* 'гостеприимный' является сложным словом, основы которого восходят к праинд.-евр. **ghos-ti-* 'чужеземец, гость, хозяин' и **pot-* 'хозяин, господин'. Сочетание корней **ghos-pot-*, **ghos-po(d)-* буквально означает *guest-master* 'гость — хозяин' [Watkins 2000].

Поскольку корень **ghos-ti-* кодирует две роли, то передаваемый смысл зависит от фокусировки ситуационного фрейма, в который включается эта древняя основа. Во фрейме адъектива *hospitable* в центре внимания находятся гость — хозяин, связанные обычаями гостеприимства; однако если фокус номинации смещается на идею о чужеземце, то возникает совершенно иная ситуация: чужак может оказаться не гостем, а врагом, от него ожидают проявления недобрых намерений, что отражено в семантике прилагательного *hostile* 'враждебный', восходящего к праинд.-евр. **ghos-ti-* [Etymonline, Watkins 2000; Pokorny 1959: 453].

Однако концепт СВОЙ может формировать и отрицательную оценку в семантике адъективов. Подчеркнем, что формирование оценки зависит от фокусировки фрейма, в который включена древняя основа. Например, аксиологическому пересмотру подвергаются такие, на первый взгляд, оценочно незыблемые понятия, как мать и отец, если во фрейме «семья» в фокусе внимания оказывается главенство старших, подавляющих волю детей и домочадцев, и тогда образ отца-защитника изменяется на образ отца-диктатора, типичными качествами которого являются авторитарность и властность: *domineering* 'высокомерный, властный' восходит к праинд.-евр. **dem-* 'дом, семья'; *patronizing* 1727 г. 'опекающий, защищающий' / 1800-е гг. Выше сказано, что образ отца-защитника изменяется на образ диктатора, что и подтверждается годом появления каждого значения 'высокомерный' восходит к праинд.-евр. **pater-* 'отец' [OED; Vaan 2008: 449]. Образ женщины-матери в мировой мифологии связывается с практической, «приземленной» деятельностью, обеспечивающей сохранение рода, но эта деятельность может получать отрицательную трактовку, будучи рассмотренной в рамках антиномий небо/земля, сакральное/земное: *materialistic* 'приземленный, меркантильный' восходит к праинд.-евр. **meh₂-tr-* 'мать' [Vaan 2008: 367].

Жизнь также получает полярные аксиологические трактовки. Например, может акцентироваться идея греховности земной жизни, и в этом случае человек предстает безусловно греховным и оценивается отрицательно: *sinful* 'грешный, безнравственный' восходит к протогерманской основе **sun(d)jo-* 'грех', буквально означавшей «*it is true*, i.e. *the sin is real*» «это правда, т.е. грех существует». Данная основа возводится к праинд.-евр. **es-* 'быть, существовать'. Человек предстает существующим во грехе: «*to be truly the one (who is guilty)*» 'быть действительно тем (кто виновен)' [OED]. Надо сказать, что жизнь осознавалась в неразрывной связи с грехом еще в дохристианскую эпоху, что отражено в древних языках. Так, грех рассматривается как неоспоримый факт жизни человека в формуле покаяния в хеттском: «*eszi-at...*

asān-at 'it [the sin] exists'» 'он [грех] существует' [International Encyclopedia of Linguistics 2003: 164]. Эта же идея обусловила семантику латинского сущ. *sōns* 'тот, кто виновен', восходящего к праинд.-евр. **es-* 'быть, существовать' [OED].

Концептуальную основу семантики целого ряда адъективов со значением моральных характеристик также составляет оппозиция любить/не любить (8 % прил.). Человек обычно оценивается с точки зрения способности проявлять к другим людям любовь, заботу, доброжелательность: *friendly* 'доброжелательный' восходит к праинд.-евр. **pri-* 'любить'; *loving* 'любящий' восходит к праинд.-евр. **leubh-* 'любить, желать' [OED]. Отсутствие благорасположенности воспринимается отрицательно: *unfriendly* 'недоброжелательный'. При этом принципиально важным является то, что человек любит, к чему стремится, чего желает. Если предметом вождения является богатство, особенно чужое, моральные качества получают резко негативную оценку, в этом случае концепт ЛЮБИТЬ реализуется в отрицательном модусе: *covetous* 'алчный' восходит к праинд.-евр. **kup-(e)i-* 'желать' [OED; Vaan 2008: 155]; *greedy* 'жадный' восходит к праинд.-евр. *gher-2 'любить, хотеть' [OED; Kroonen 2013: 187; Watkins 2000]; *jealous* 'завистливый' восходит к праинд.-евр. **ya-* 'желать' [Etymonline].

Любовь и привязанность, наполняющие сердце человека, объективированно представляются в виде предметов, которыми наполняют контейнер: *affectionate* 'любящий' восходит к праинд.-евр. **dh-/dhē-* 'класть, помещать' [OED; Vaan 2008: 198; Watkins 2000]. И напротив, отсутствие любви интерпретируется как пустота: *unaffectionate*, *affectless*. Семантика данных адъективов определяется концептуальной оппозицией наполненный контейнер/пустой контейнер. Однако человек может видеться и как вместилище врожденных или приобретенных отрицательных качеств, в этом случае реализуется отрицательный модус концепта НАПОЛНЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР: *chesty* (амер. сленг) *чрезмерно самоуверенный* восходит к праинд.-евр. *kista 'плетеный контейнер' [Etymonline]. Всего на основе этой концептуальной оппозиции возникло 9 % адъективов.

В формировании концептуального основания категории английских прилагательных, обозначающих моральные характеристики человека, также вовлечены представления о таких элементарных, базовых действиях, как «бить», «завязывать» и т. п. Эти операции относятся к так называемым перводействиям, составлявшим систему представлений древнего человека об окружающем мире [Мелетинский 1976: 173]. В виде предметов, на которые направлено внешнее воздействие, объективируются разум, мысли или чувства человека. Подобная интерпретация абстрактных понятий свойственна английскому языковому сознанию. В результате повседневно «опыта обращения с материальными объектами» возникает множество онтологических метафор, отражающих «способы восприятия событий, деятельности, эмоций, идей... как материальных сущностей» [Лакофф, Джонсон 2004: 49].

Например, моральные качества могут интерпретироваться через представление об операции «бить». Оценочное значение адъектива зависит от того, что/кто мыслится в качестве пациента и агенса, а также от цели воздействия. Так, роль агенса может приписываться злу, и в этом случае воздействие на поведение, характер человека приобретает губительный характер: *profligate* 'расточительный' восходит к праинд.-евр. **bhlig-* 'ударять'. Метафора основана на представлении о разрушительном влиянии, которое оказывает зло на человека: «via notion of "ruined by vice"» [Etymonline].

Также в качестве агенса может выступать человек. Если он оказывает воздействие на других с целью обмануть, ввести в заблуждение, то подобная ситуация вполне закономерно оценивается отрицательно: *sly* ‘хитрый’ восходит к протогерм. корню **slak-* ‘бить, ударять’, который фокусирует внимание на способности наносить удары — «with the original notion of “able to hit”» [Etymonline]. Если же объектом воздействия являются чувства человека, то складывается положительная оценка: *ruthful* ‘жалостливый, сострадающий’ — от праинд.-евр. *kreue-2 ‘ударять’ [OED].

Чувство долга по отношению к другим людям интерпретируется как связанность некими узами: к праинд.-евр. основе **leig-* ‘связывать, завязывать’ возводятся прилагательное *obliging* ‘обязательный’ и *reliable* ‘надежный’ [Etymonline; Vaan 2008: 341]. Однако операция соединения/не соединения объектов может получать полярные оценки в зависимости от преследуемых целей и вовлеченных в операцию объектов. Так, если подразумевается соединение объектов или их частей в единое целое при создании артефакта или произведения искусства мастером, то подобная операция оценивается положительно: *artful* 1610-е гг. ‘искусный’ (в этом значении слово относится к адъективной лексической категории «Профессиональные качества») восходит к праинд.-евр. **ar-* *соединять* [OED]. Если же в качестве соединяемых объектов видятся слова, высказывания, поступки и ставится цель обмануть или навязать свое мнение, то такая ситуация получает отрицательную оценку: *artful* 1739 г. ‘хитрый, притворный’; *assertive* ‘самоуверенный, напористый’ восходит к праинд.-евр. *ser-3 ‘соединять’ [OED]. Семантика приведенных прилагательных и антонимичных *unreliable*, *artless* и *unassertive* формируется на основе концептуальной оппозиции воздействие на объект/отсутствие воздействия на объект, определившей семантику 7 % изучаемых адъективов.

Оба модуса концепта могут реализоваться в оценочно полярных значениях полисемантического адъектива, приводя к деградации или амелиорации его значений. Так, значения адъектива *important* сложились на основе противоположных модусов концепта ДВИЖЕНИЕ: в XV в. слово вошло в английский язык как обозначение положительного качества — ‘влиятельный’, а в 1713 г. оно начинает именоваться отрицательно оцениваемое качество — ‘напыщенный’. Адъектив восходит к праинд.-евр. *per-2 ‘вести за собой’ [OED; Watkins 2000]. Первый ситуационный фрейм, в который включена древняя основа, фокусируется на таких положительных качествах ведущего за собой, как уважение со стороны окружающих и заслуженный высокий статус в обществе; во втором фрейме происходит смещение фокуса на поведение возмнившего о себе лидера, что резко меняет оценочное значение слова.

Деградация значения наблюдается у полисемантического прилагательного *complacent*, семантика которого обусловлена концептом РОВНЫЙ: *complacent* 1650-е гг. ‘любезный, почтительный’ // 1767 г. ‘самодовольный’; адъектив восходит к праинд.-евр. *plk-1/**plak-* ‘ровный’ [OED]. Если первичное значение строилось на представлении о ровном, одинаково уважительном отношении к окружающим, то в ситуационном фрейме вторичного значения фокус сдвигается на иной объект проявления почтения, а именно на самого индивида, неизменно довольного собой, что резко меняет аксиологическое отношение к его поведению. Таким образом, модусная амбивалентность концепта обуславливает аксиологическую амбивалентность семантики изучаемых английских адъективов, т. е. приводит к развитию энантиосемии.

Ниже приводится список рассмотренных концептов с амбивалентным модусом, на основе которых формируется семантика английских адъективов категории «Моральные качества человека». Количество прилагательных, семантика которых определяется данными концептами, далеко не исчерпывается приведенными в таблице примерами.

Концепты с амбивалентным модусом, определяющие семантику английских прилагательных лексической категории «Моральные качества человека»

Метафорический концепт	Положительное качество	Отрицательное качество
ДВИЖЕНИЕ	earnest, important, liberal, open, sensitive	aggressive, arrogant, boastful, haughty, important, pretentious, sensitive, untruthful, uppity, weak
ПОКОЙ	unaggressive, trusty, truthful, unarrogant	insensitive
ЖИЗНЬ	convival	sinful
СВОЙ	civil, hospitable	domineering, hostile, materialistic, patronizing
ЛЮБИТЬ	friendly, loving	covetous, greedy, jealous
НАПОЛНЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР	affectionate	chesty
БОЛЬШОЙ	magnanimous	masterful
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ	obliging, reliable, ruthless	artful, assertive, profligate, sly
РОВНЫЙ	complacent	complacent

Как показывают примеры, одна и та же древняя основа, репрезентирующая определенный концепт, может быть включена в разные ситуационные фреймы, и в зависимости от аксиологического отношения к ситуации реализуется тот или иной модус концепта. Подобная модель реализации концептуальных оппозиций, на основании которых формируется семантика адъективов, обозначающих моральные качества, объясняет и вариативность оценки, примером чего являются рассмотренные адъективы *open* (+) и *uppity* (-), *magnanimous* (+) и *masterful* (-), *hospitable* (+) и *hostile* (-).

Выводы

В итоге моделирования концептуального основания английской адъективной категории «Моральные качества человека» возможно сделать следующие выводы: 1) оценочное значение адъективов задается биполярно концептуальными оппозициями, лежащими в основе семантики адъективов; 2) модус концепта — положительный или отрицательный — проявляется в результате включения этого концепта в ситуационные фреймы; 3) поскольку концепты обладают амбивалентным модусом, они могут определять семантику адъективов с антонимичными оценоч-

ными значениями, а также определять оценочно полярные значения в пределах одного, полисемантического, адъектива.

Таким образом, формирование оценочного значения у английских прилагательных, именующих моральные качества человека, обусловлено способом осмысления данных абстрактных характеристик и регулируется на уровне языковой системы: концептуальные оппозиции, лежащие в основе семантики адъективов, не только определяют их аксиологию, но и «предусматривают» аксиологическую амбивалентность их семантики. Реализация того или иного оценочного значения адъектива происходит уже в условиях конкретного лингвистического контекста.

Изучение концептуальных оснований других адъективных субкатегорий в английском языке, также включающих характеристики человека, покажет, эти или иные когнитивные принципы действуют при формировании иных смыслов и передаче аксиологического отношения к иным характеристикам.

Словари и справочники

- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Etymonline — *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 15.09.2018).
- International Encyclopedia of Linguistics — *International Encyclopedia of Linguistics*. Frawley W.J. (ed.). Vol. 1. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2003. 525 p.
- Kroonen 2013 — Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Ser.: Leiden Indo-European Etymological Dictionary series; vol. 11. Leiden: Brill, 2013. 794 p.
- OED — *The Oxford English Dictionary*. Simpson J. A., Weiner E. S. C. (eds.). 2nd ed. Oxford: The Clarendon Press, 1989. 20 vols.
- Pokorny 1959 — Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, 1959. URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-p.htm> (дата обращения: 30.08.2018).
- Vaan 2008 — Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Ser.: Leiden Indo-European Etymological Dictionary series; vol. 7. Leiden: Brill, 2008. 825 p.
- Watkins 2000 — Watkins C. *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*. 2nd ed., Houghton Mifflin Co., 2000. URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-p.htm/> (дата обращения: 04.09.2018).

Литература

- Беляевская 1992 — Беляевская Е. Г. *Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах. (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова)*: дис. ... д-ра филол. наук. Институт языкознания РАН. М., 1992. 401 с.
- Беляевская 2003 — Беляевская Е. Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от «традиционного»). В кн.: *На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование*. Степанова Ю. С. (ред.). Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2003. С. 60–72.
- Беляевская 2005 — Беляевская Е. Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения. В кн.: *Концептуальное пространство языка*. Потанина Н. Л., Шарандин А. Л. (ред.). Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 53–66.
- Беляевская 2011 — Беляевская Е. Г. Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом. В кн.: *Когнитивные исследования языка*. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. С. 59–69.

- Болдырев 2014 — Болдырев Н. Н. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций*. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2014. 236 с.
- Бондарчук 2011 — Бондарчук Г. Г. *Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды)*. Дис. ... д-ра филол. наук. Московский гос. лингвистический ун-т. М., 2011. 326 с.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*: в 2 т. Т. 1. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 520 с.
- Гулимова 2015 — Гулимова А. Д. *Концептуальные основания лексико-семантической категории времени в современном английском языке*: дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2015. 230 с.
- Зыкова 2014 — Зыкова И. В. *Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков*. Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2014. 510 с.
- Иванов 1992 — Иванов В. В. Левый и правый. В кн.: *Мифы народов мира*. Токарев С. А. (ред.): в 2 т. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. 1992. С. 43–44.
- Иванов, Топоров 1965 — Иванов В. В., Топоров В. Н. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. М.: Наука, 1965. 251 с.
- Карасик, Стернин 2005 — *Антология концептов*: в 2 т. Карасик В. И., Стернин И. А. (ред.). Т. 2. Волгоград: Парадигма, 2005.
- Кацнельсон 2001 — Кацнельсон С. Д. *Категории языка и мышления: Из научного наследия*. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
- Кубрякова 2008 — Кубрякова Е. С. *Части речи в ономаσιологическом освещении*. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 120 с.
- Лакофф 2004 — Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи* [1987]. Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Лакофф, Джонсон 2004 — Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* [2003]. Пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Мелетинский 1976 — Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. М.: Наука, 1976. 408 с.
- Никитин 1996 — Никитин М. В. *Курс лингвистической семантики*. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
- Никитин 2003 — Никитин М. В. *Основания когнитивной семантики*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.
- Подосинов 1999 — Подосинов А. В. *Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
- Потебня 1968 — Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
- Филлмор 1988 — Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. В кн.: *Когнитивные аспекты языка*. Петров В. В., Герасимов В. И. (ред.). Сер.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
- Чейф 1975 — Чейф У. Л. *Значение и структура языка* [1970]. Пер. с англ. Г. С. Щура. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
- Bierwisch 1983 — Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten. In: *Untersuchungen zur Semantik*. Růžička R., Motsch W. (hrsg.). Berlin: Akademie Verlag, 1983. S. 61–99.
- Bierwisch 1987 — Bierwisch M. Dimensionsadjective als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens. In: *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven*. Bierwisch M., Lang E. (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag. 1987. S. 1–28.
- Lakoff 1987 — *Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 28 января 2019 г.

The cognitive aspect of evaluation meaning of English adjectives denoting moral qualities

For citation: Antonova M. B. The cognitive aspect of evaluation meaning of English adjectives denoting moral qualities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 367–380. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.303> (In Russian)

The paper focuses on the cognitive foundation of the English adjectives that denote moral characteristics of human beings. Word semantics is treated as a two-level phenomenon that comprises the semantic (external) level and the conceptual (deep) one. The modelling of the adjective conceptual basis is also based on the etymological data. The etymological data have revealed that the conceptual basis of the English adjectival category of ‘moral qualities’ is formed by a certain set of conceptual oppositions, such as LIFE — DEATH, MOTION — STILLNESS, FRIEND — FOE, LOVE — HATRED, and so forth. These oppositions vary in terms of productivity, the most productive being the opposition FRIEND — FOE; it produced 25 % of the adjectives. Since the first element in the oppositions is usually marked as positive while the other is marked as negative, the first element accounts for the meaning of positive evaluation, while the other produces negative meaning. However, each concept tends to realize two polar values, i.e. the concepts tend to possess ambivalent value. The concept realizes positive or negative value due to the interaction with a frame in which it is incorporated. This peculiarity of the concepts enables any concept to form polar evaluation meanings of different adjectives and within the frame of a polysemantic adjective. Both antonymy and enantiosemey are predetermined by the conceptual structures that determine the interpretation of the abstract, moral qualities in English.

Keywords: conceptual opposition, conceptual basis, frame, evaluation meaning, adjectival category.

References

- Беляевская 1992 — Beliaevskaia E. G. *The word semantic structure in nominative and communicative aspects*. PhD thesis (Philology). The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science. Moscow, 1992. 401 p. (In Russian)
- Беляевская 2003 — Beliaevskaia E. G. Three paradigms of semantic research (in what way cognitive approach to lexical semantics differs from the traditional one). In: *Na styke paradigm lingvisticheskogo znaniia v nachale XXI veka: grammatika, semantika, slovoobrazovanie*. Stepanova Iu. S. (ed.). Kaliningrad: Kaliningrad State University Press, 2003. P. 60–72. (In Russian)
- Беляевская 2005 — Beliaevskaia E. G. Connotation from the cognitive point of view. In: *Kontseptual'noe prostranstvo iazyka*. Tambov: Tambov State University Press, 2005. P. 53–66. (In Russian)
- Беляевская 2011 — Beliaevskaia E. G. Conceptual structures with constant and flexible focus. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. Vol. IX: Vzaimodeistvie kognitivnykh i iazykovykh struktur. Moscow: The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science Publ; Tambov: Tambov State University Press, 2011. P. 59–69. (In Russian)
- Болдырев 2014 — Boldyrev N. N. *Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a lecture course*. 4th ed. Tambov: Tambov State University Press, 2014. 236 p. (In Russian)
- Бондарчук 2011 — Bondarchuk G. G. *The cognitive-semiotic basis of the English noun category (on the names of clothes)*. PhD thesis (Philology). Moscow State Linguistic University. Moscow, 2011. 326 p. (In Russian)

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *The Endo-European language and Indo-Europeans*. In 2 vols. Vol. 1. Tbilisi: Tbilisi State University Press, 1984. 520 p. (In Russian)
- Гулимова 2015 — Gulimova A. D. *The conceptual basis of the lexico-semantic category of time in modern English*. PhD thesis (Philology). Moscow State Linguistic University. Moscow, 2015. 230 p. (In Russian)
- Зыкова 2014 — Zyкова I. V. *The role of culture concepts in the formation of phraseological units as language-culture signs*. Synopsis of the PhD thesis (Philology). The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science. Moscow, 2014. 52 p. (In Russian)
- Иванов 1992 — Ivanov V. V. Left and right. In: *Mify narodov mira*. Tokarev S. A. (ed.). In 2 vols. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1992. Vol. 2. P. 43–44. (In Russian)
- Иванов, Топоров 1965 — Ivanov V. V., Toporov V. N. *Slavic language modeling semiotic systems*. Moscow: Nauka Publ., 1965. 251 p. (In Russian)
- Карасик, Стернин 2005 — *The anthology of concepts*. In 2 vols. Karasik V. I., Sternin I. A. (eds.). Volgograd: Paradigma Publ., 2005. 2 vols. (In Russian)
- Кацнельсон 2001 — Katsnel'son S. D. *Categories of language and mind: from the scientific heritage*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. 864 p. (In Russian)
- Кубрякова и др. 1997 — Kubriakova E. S., Dem'iankov V. Z., Pankrats Iu. G., Luzina L. G. *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Moscow State University Press, 1997. 245 p. (In Russian)
- Кубрякова 2008 — Kubriakova E. S. *Parts of speech from the onomasiological perspective*. Moscow: LKI Publ., 2008. 120 p. (In Russian)
- Лакофф 2004 — Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Transl. from English by Shatunovskii I. B. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 792 p. (In Russian)
- Лакофф, Джонсон 2004 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Transl. from English by A. N. Baranov, A. V. Morozova. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russian)
- Мелетинский 1976 — Meletinskii E. M. *Poetics of the myth*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 408 p. (In Russian)
- Никитин 1996 — Nikitin M. V. *The course on language semantics*. St. Petersburg: Nauchnyj centr problem dialoga Publ., 1996. 760 p. (In Russian)
- Никитин 2003 — Nikitin M. V. *Foundations of cognitive semantics*. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2003. 277 p. (In Russian)
- Подосинов 1999 — Podosinov A. V. *Orientation by cardinal points in archaic cultures of Eurasia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 720 p. (In Russian)
- Потебня 1968 — Potebnja A. A. *Some notes on Russian grammar*. Vol. 3. Ob izmenenii znachenii i zamenakh sushchestvitel'nogo. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968. 551 p. (In Russian)
- Филлмор 1988 — Fillmore C. J. Frames and the Semantics of Understanding. In: *Kognitivnye aspekty iazyka*. Petrov V. V., Gerasimov V. I. (eds.). Ser.: Novoe v zarubezhnoi lingvistike; vol. XXIII. Moscow: Progress, 1988. P. 52–92. (In Russian)
- Чейф 1975 — Chafe W. *Meaning and the Structure of Language*. Transl. from English by G. S. Shchur. Moscow: Progress Publ., 1975. 432 p. (In Russian)
- Bierwisch 1983 — Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten. In: *Untersuchungen zur Semantik*. Růžicka R., Motsch W. (Hrsg.). Berlin: Akademie Verlag, 1983. S. 61–99.
- Bierwisch 1987 — Bierwisch M. Dimensionsadjective als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens. In: *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven*. Bierwisch M., Lang E. (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag. 1987. S. 1–28.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Received: September 23, 2018

Accepted: January 28, 2019